

ПАШКА

- И когда я, наконец, мать твою увижу в школе, сколько можно напоминать? Ты хоть дневник ей показываешь?

Пашка угрюмо молчал. «Классная» от этого молчания лишь распалялась:

- Дневник мне на стол! Если мать завтра не появится, домой буду звонить, ясно? И вызывать прямо к директору! Садись, два, – «Выдра» поправила очки и, вздохнув, заглянула в журнал, выбирая очередную «мишень».

- Голещенко!

Учительница начала «отрываться» на следующем счастливице, а Пашка опустил за парту. Еще год назад он вполне переваривал алгебру, «домашние» делал и факультатив не пропускал. Но вместо Аллы Сергеевны пришла нынешняя, «Выдра», и Пашка алгебру разлюбил. А «Выдру», Наталью Юрьевну, угораздило стать еще и их классным руководителем...

Дневник матери Пашка так ни разу и не показывал. Там уже красовались четыре «неуда» и настойчивые просьбы явиться в школу. Да и мама не часто проверяла его дневник. Привыкла, что Пашка старательный, весь вечер сидит за уроками. Так всегда и было, до пятого класса. А в шестом у них сменилась «классная» и от мамы ушел отец...

С тех пор все пошло по-другому. Дома Пашке стало неинтересно. Мать все время пропадала на работе. Компьютер отец забрал, сказал, что нужен ему для черчения. На тренировках тоже как-то невесело в последнее время, вот уже третью неделю Пашка тайком их пропускал... Он, вообще-то, обожал плавание и разряд уже имел, - юношеский третий – за победу в областных соревнованиях. Но именно к тренеру – Юлии Петровне – ушел Пашкин отец. В их маленьком городке, увы, ничего не скроешь. И, как мать не старалась «делать вид», Пашку все же «просветили». Началось все прошлой зимой, когда отец забирал его по вечерам с плавания на машине. Довозил до дома и Юлию Петровну, благо, на соседней улице жила. А потом стал сначала Пашку высаживать, а уж после - Юлию. Ведь недалеко от ее дома – гаражи, зачем же два раза ездить?

«Вот и доездили!» - уронила раз сердобольная соседка тетя Света. Пашка в тот день устроил матери скандал. Злило его, прямо бесило материно стремление все скрыть, сгладить, «сделать вид». Оправдать отца, даже с компьютером она на его сторону встала. В итоге Пашка остался без Интернета и без новых игр. Приходилось ему ошиваться теперь у Гоблина, своего приятеля из восьмого «Д». Мама стала оставаться на работе допоздна, брать «сверхурочку», а Пашке прямо невыносимо было сидеть дома. Вот и сейчас, после алгебры (она была последним уроком), Пашка рванул не домой, а в соседний подъезд, к Тольке Гоблину. Тот, хотя у старшеклассников было больше занятий, как всегда, торчал дома.

- Есть что-нибудь похавать? – осведомился Пашка, заглядывая в холодильник. Взяв бутерброд, он уселся за «Героев». Гоблин был хотя и старше Пашки, но не задавался, даже при одноклассниках с ним здоровался. А Пашке добавляло весу среди своих то, что он «со взрослыми» дружит. Сначала он побаивался немного, ведь Гоблин с приколами был парень: мог отделать ни за что или дурачком при всех выставить. Но потом привык. Да и Гоблин, как ни странно, к Пашке относился хорошо, не трогал. Вот и сегодня дал ему посмотреть новый фильм из проката, всего на одну ночь.

- Только завтра отдашь, понял? Мне в прокат нести, залог забирать. Иначе сам штраф заплатишь! – на прощание сказал Гоблин.

... Пашка открыл дверь и удивился: свет в прихожей горел. Странно. Мама раньше половины десятого не появлялась, да и обуви лишней в прихожей видно не было.

Сняв куртку, он направился в комнату и столкнулся в дверном проеме с отцом.

- Откуда у тебя ключи? – спросил его Пашка, стараясь, чтобы голос звучал уверенней.

- Ты здороваться разучился, что ли, Паша? Привет, как ты? – отец явно старался говорить дружелюбно.

- Я с предателями не здороваюсь! – голос у Пашки сорвался, и он закашлялся.

- Сынок, ну мы же взрослые люди. Ну, как мне тебе объяснить? Ты мужчина, сам понять должен. Люблю я Юлию Петровну! Да и она про тебя все спрашивает, что на тренировки не ходишь. В гости вот зовет...

- Иди ты в баню со своими гостями! Сам с ней тренируйся! – выкрикнул Пашка.

Отец разозлился.

- Ты со мной так не разговаривай, не дорос еще! – голос у него гневно задрожал. - Ключи я оставляю, а зашел, потому что учительницу твою встретил. Ты, оказывается, вперед всех по двойкам выбился? Мать – то знает?

И где она в это время ходит, интересно?

- Мать мне на компьютер зарабатывает! – Пашка чувствовал, как к глазам подступают слезы. - У всех есть, даже рефераты только напечатанные принимают! А ты компьютер для сына пожалел!

- Ах, ты!.. – Отец явно подбирал слова, побелев от злости. – Заработал бы себе на компьютер, раз такой ушлый! Все-то он понимает!

Отец развернулся и, звякнув ключами о тумбочку, вышел из квартиры. Пашка сполз по стене на пол и долго сидел, глотая непрошенные, злые слезы.

Полдевятого. Матери не будет еще целый час. Новый фильм смотреть не хотелось.

Накинув куртку, Пашка выбежал на улицу. Купив в ларьке сигареты, он зашел было к Гоблину. Того дома не оказалось. Пашка снова очутился на улице. На душе было противно, и Пашке захотелось покурить. Он еще ни разу не курил в одиночку, честно говоря, ему вообще не нравилось курить. Так, если ребята предлагали, брал сигарету «за компанию». Сейчас же ему хотелось что-то сделать, чтобы хоть немного расслабиться. Пашка зашел в калитку детского сада, где по вечерам собиралась вся молодежь. Выбрав укромное местечко, он достал сигарету. Щелкая зажигалкой, Пашка услышал из темноты:

- Ты что это, Пашка, куришь?

Голос был звонкий, девичий, и Пашка сразу его узнал. Это была Маринка из шестнадцатиэтажки, ее все во дворе знали. Старше Пашки на каких-то два года, она уже давно гуляла до самой ночи со взрослыми компаниями, одевалась явно напоказ и в открытую курила. Родители Маринки за ней особо не следили, вот и росла она сама себе хозяйка. Была предметом сплетней всех старух на лавке перед домом и пару лет назад – объектом самой настоящей Пашкиной любви. Он даже цветы отца упросил купить для нее на восьмое марта. Маринка тогда всему двору раззвенела про эти цветы. И еще долго над Пашкой смеялись: «Жених!»

После этого Пашка Маринку разлюбил, а она, как говорила тетя Света, «пошла по наклонной дорожке»...

Пашка сплюнул и отвернулся.

- Ты что, стесняешься, что ли? Не бойся, я докладываю не буду! – Маринка подошла к нему. – Паш, ты, может, выпить хочешь? Или покрепче чего? Я достану!

- С чего это ты такая добрая? – Пашка старался говорить как можно пренебрежительнее.

- Грустно тебе, да? Ходишь сам не свой... - мягко и даже как-то ласково начала Маринка.

- Тебе какое дело, - грубо оборвал ее Пашка, - тащи, что у тебя выпить есть!

- Да пойдем, посидишь с нами! – Маринка направилась к спрятавшейся в углу детской площадки веранде.

Пашка потащился за ней. Пить спиртное ему совсем не хотелось, да и общаться с Маринкиным дружкойми – тоже. Но отказаться было нельзя: Маринка же высмеет потом на весь двор.

В беседку набилось человек десять. В основном, все были уже «поддатые» и весело смеялись над каким-то анекдотом. Двое парней в углу явно что-то не поделили и вели «разборки». До Пашки никому не было дела. Маринка протянула ему банку с «отверткой»:
- На, взбодрись!

Пашка глотнул, потом еще раз. Подумал: «Неплохо!» По крайней мере, горло не сводило, как в конце августа, когда Гоблин угостил его коньяком из родительского бара. Маринкин визг и гогот убаюкивал, что, конечно, было странно, но, так как она смеялась без остановки, – вполне понятно.

... Проснулся Пашка оттого, что мать настойчиво трясла его плечо:

- Паш, ну вставай! Ты что здесь лежишь, что с тобой, сынок? – голос у матери был встревоженный.

Пашка открыл глаза и понял, что дико замерз. Мама запахнула на нем куртку и попыталась поставить на ноги:

- Пойдем домой, сынок!

Попытавшись встать, Пашка неуклюжим кульком свалился прямо под ноги матери и только тогда, наконец, проснулся.

- Да пусти, мам, я сам пойду! – и, пошатнувшись, вышел из беседки.

Дома мать налила ему горячего чая. Пашка пил его на кухне, удивляясь, что мать не устраивает скандала. Или, может, с силами собирается?

Переодевшись в домашнее, мать зашла на кухню.

- Что случилось, Паша? – чувствовалось, что она тщательно подбирает слова.

- Ой, мам, отстань, пожалуйста! Утром поговорим! – Пашка пытался унять отчаянный треск в голове.

- Я понимаю, сынок, что тебе плохо, но должна же я узнать...

С работы пришла, нет тебя, к этому Гоблину твоему побежала – тоже нет. Эта Маринка, бестолочь, шла с гулянки, говорит, Паша ваш спит в садике. Я ж потом только поняла, что ты выпил. Зачем, сынок? Что с тобой? – мама упорно пыталась заглянуть Пашке в глаза.

- Мам, я спать хочу! Завтра поговорим!

- Я же на работу иду завтра, ты еще спать в это время будешь! Сынок, расскажи мне, что случилось? Кто тебя заставил пить?

- Да сам я выпил, уже не маленький! Ясно? – Пашка внезапно разозлился.

- Это в тринадцать лет ты взрослым стал? – мать распялась. – Ты на кого равняешься, на шоблу эту дворовую? Учиться твоей Маринке надо, а не шляться по вечерам!

- Да не моя она, понятно! И что ты ко мне привязалась! – заорал Пашка.

На глазах матери показались слезы, и Пашке сразу стало стыдно:

- Мам, давай завтра поговорим! Я так устал, спать хочу! – он старался, чтобы голос звучал примирительно.

Мама потухшим, дрогнувшим голосом произнесла:

- Хорошо. Иди спать. Спокойной ночи. – и быстро, словно боясь, что Пашка воспротивится, наклонилась и поцеловала его в щеку.

Пашка дошел до своей кровати, лег и мгновенно провалился в сон.

Утро было не по-осеннему приветливым, солнечным. Пашка жадно хлебнул воды прямо из-под крана. На столе в кухне лежала записка: «Приду пораньше. Жди, обед на плите. Мама».

Да уж, видимо, мать настроилась на разговор. Воспитывать будет. Этого Пашке совсем не хотелось. Тем более, что на вечер у него уже были планы. От Лешки, с которым он раньше

тренировался, Пашка узнал, что будет Спартакиада, вроде бы водное поло и старты вольным стилем, да еще, кажется, прыжки в программе. Как не таил Пашка обиду на Юлию Петровну, посмотреть хотя бы на товарищей очень хотелось.

В школе день прошел на удивление тихо, только на английском Пашку заставили переводить. Но английский Пашка осилил, еще бы, весь прошлый год они с отцом по выходным ходили в английский клуб. Отцу освежить навыки языка нужно было для работы, а Пашка ходил в клуб так, для интереса. Интересно было потому, что не вдавливали там правила, а приглашали, например, иностранцев для бесед, или праздновали Хэллоуин как американцы...

Пришлось все-таки забежать домой. Переодевшись, кое-как поев и захватив диск для Гоблина, Пашка выскочил из дома. По лестнице поднималась мама.

- Ты куда, Паш?

- Привет, мам. Мне тут к Гоблину надо, а потом зайду в одно место...

Мать поставила на пол пакеты.

- Паша, я же просила тебя сегодня дома быть! С работы вот отпросилась, вкуснятины накупила на рынке...

Да куда ты хоть, а?

Пашке страшно не хотелось признаваться, что идет он в бассейн.

- Мам, я скоро приду, ладно? – Пашка попытался протиснуться мимо матери.

- Да куда ты идешь, сынок? – мать тяжело вздохнула. – Опять тебя по ночам разыскивать?

Пашка готов был огрызнуться, но тут открыла дверь соседка, тетя Света.

- А я что-то слышу, голос твой, да, думаю, Аня так рано не приходит... - Тетя Света с интересом смотрела на мать с Пашкой.

«Подслушивала, наверное, под дверью», - подумал Пашка.

Мать переключила внимание на соседку, и Пашке удалось улизнуть.

В бассейн Пашка пришел поздно, все ближние ряды уже были забиты. Они с Гоблином пробрались на самый верх и уселись прямо под часами. Столько раз Пашка следил за их стрелками, проплывая бассейн за бассейном...

Но быть зрителем ему не понравилось, тем более что Гоблин болел за своего одноклассника Витьку так рьяно, что у Пашки заложило уши. После было награждение победителей, и Гоблин отправился в раздевалку к Витьку. Тот проплыл сегодня на второе место.

Пашка вышел из бассейна, вдохнул влажный осенний воздух. Как-то хмуро было на душе у Пашки. Достав из куртки вчерашнюю пачку, Пашка устроился на лавочке под козырьком бассейна. Он уже почти жалел о том, что бросил плавать. Представляя, как сейчас радуются ребята перед награждением, Пашка закурил.

- Курим? – услышал он добродушно-снисходительное. На лавку рядом с ним опустился Иван Максимыч, тренер из спортивного лицея. Если раньше Пашка здорово смутился бы (еще бы, тренер «застукал»), то сейчас он только хмыкнул:

- Здрасти!

- Здравствуй-здравствуй, Паша! – Иван Максимыч говорил все тем же приветливым, чуть шутливым тоном. – Что, на ребят пришел посмотреть?

- Да скукота дома, вот и пришел, - тянул слова Пашка.

- А ты, я смотрю, со спортом завязать решил? – Иван Максимович посмотрел Пашке в глаза. – Вот и курить начал.

- Решил, - коротко ответил Пашка.

Он поднялся с лавочки:

- До свидания.

- Подожди, Павел! – догоняя, сказал Иван Максимыч. – Предложение у меня к тебе есть.

Иван Максимыч пошел рядом с Пашкой:

- Ты возвращаться-то не думаешь? Неплохо ведь плаваешь!

Пашка, в глубине души ожидавший этого вопроса, старался отвечать как можно равнодушнее:

- Да неохота как-то, и с учебой последнее время у меня проблемы...

- Так я тебя к себе хочу взять, в лицей. У нас и учиться хорошо будешь, и тренировки два раза в день. График плотный, но, сам знаешь, рекорсменов готовим, - усмехнулся Иван Максимыч.

- Да не знаю даже, - мялся Пашка.

- Да ты подумай, я не тороплю. – Иван Максимыч остановился. – С матерью обсуди, а с Нового года, если надумаешь, переведешься к нам в лицей. По выходным домой будешь ездить, да хоть и живи дома, лишь бы к восьми на тренировку успевал. Но это поначалу. Будут успехи – заниматься будешь плотно, так что тогда уж без разъездов. Идет? – тренер похлопал Пашку по плечу.

- Идет! – Пашка пожал протянутую руку. – Подумаю и зайду к Вам обязательно!

- Ну, давай! До встречи.

- До встречи, - крикнул вдогонку Пашка, сдерживая отчаянную радость.

Так вот чего не хватало ему все это время! Повторяя про себя слова Ивана Максимыча, Пашка бодро зашагал к дому.

Мать открыла ему моментально, будто под дверью дежурила.

- Ну и где ты был? – с порога начала она «воспитание».

Настроение у Пашки было таким благодушным, что он даже не стал «вступать на тропу войны»:

- Да я же пришел, не поздно еще, мам!

- Пока не поздно,- мать сделала паузу. – Да, боюсь, потом поздно станет. Учебу запустил, курить начал, шляешься неизвестно где, выпиваешь... Мать для него старается, работает днями и ночами, а он и рад!

- Что, папаше звонила? – Пашка начинал злиться.

- Да сам он ко мне заходил. Паша, мы же твои родители. Мы тебе добра хотим! – Мать стала говорить спокойнее. – Что же ты делаешь с собой?

- Да ничего я не делаю! Знали бы Вы, что другие делают, волосы бы дыбом встали...

- Ты на других-то не равняйся, Пашенька! О себе думать нужно. Мы с отцом решили, если подтянешься до конца четверти, компьютер тебе на Новый год купим, в подарок.

- Правда? – Пашка своим ушам не поверил.

- Правда, – голос матери звучал нарочито ровно. – Наши дела, обиды на тебе не должны отражаться. Папа от меня ушел, но ты ведь его сын...

Пашка откашлялся и спросил заветное:

- Мама, а он к нам не вернется?

Помолчав, мать произнесла:

- Ты этого так хочешь, сынок? Ведь насильно мил не будешь...

Ну, любит он свою Юлию, что тут сделаешь... Мне, конечно, горько было, но уж лучше нам так жить. А если бы он в семье остался по принуждению, ссорились бы...

Было бы тебе от этого хорошо?

Пашка выкрикнул в ответ:

- Да я не так хочу, мам, я хочу, чтоб все было как раньше... - его затрясло от слез.

Мать притянула Пашку к себе и, погладив по голове, как часто делала в детстве, сказала:

- Он-то этого не хочет. Не навязываться же мне ему.

После их с матерью разговора Пашке стало легче, спокойнее как-то. Двойки в школе он хватать перестал, но в отличники, и даже в хорошисты, тоже не стремился. В общем, стал середнячком. Да и то ради матери. Жалел ее Пашка, казалось, любит она отца и очень ей больно. Вот, чтобы не расстраивать, и сидел вечерами за уроками.

Мысли его все время витали в будущем, Пашка уже видел свою жизнь в лице. Даже Гоблин как-то сказал:

- Жалко, мой поезд ушел. Я бы с тобой поплавал. А то посмотришь, весь двор куда-то катится...

Уже вторую неделю наши пацаны в игровых автоматах зависают, и зачем их у нашей остановки поставили? А Маринка там две «штуки» проиграла, слышал?

- Да где она нашла столько? Небось, у родителей сперла? – удивился Пашка.

- А то! Ее мамаша моей плакалась, мол, только с книжки сняла...

Пашок, - вдруг оживился Гоблин, - давай махнем в этот «Лимон», сыграем. А то я там ни разу не был.

- Да не, Толян, неохота мне... Мне мать компьютер пообещала...

- Комп? – присвистнул Гоблин. - Да где она возьмет такие бабки?

- Где надо, - разозлился Пашка. – Тебя волнует?

- Да нет, - протянул приятель. – Ну, как хочешь, а я в «Лимон».

Пашка угрюмо сидел за алгеброй. Мысли его витали далеко от уравнений. Конечно, и ему хотелось пойти поиграть...

Раньше, с отцом, в выходные они частенько ходили в игровые автоматы, палили в тире, резались в «Звездные войны». Но денег у мамы сейчас было мало, да и автоматы теперь совсем другие. Тетя Света, бывало, с каким-то мрачным удовольствием рассказывала матери, какие деньги спускал в игровом зале ее племянник. И хотя Пашка твердо решил в «Лимон» не ходить, настроение делать уроки пропало бесследно. Натянув шапку и надев куртку, он вышел на улицу.

Декабрьская погода не радовала: всюду грязь, слякоть. Но скоро, думал Пашка, будет Новый год, люди заспешат за подарками, столпятся у елочных привозов. С отчаянной силой Пашке захотелось чего-то теплого, домашнего.

Он шел по проспекту, заглядывая в витрины магазинов, намеренно выискивая среди них украшенные к Новому году. «Как бы раздобыть денег, чтобы купить что-нибудь маме?» - думал Пашка.

Перед «Венцом», недавно открывшимся ювелирным магазином, резко затормозила серебристая иномарка. Импозантный мужчина поспешил открыть дверь перед красивой молодой женщиной, и, смеясь и переговариваясь, они скрылись за дверями «Венца». Все произошло прямо перед носом у Пашки. И он совсем не обратил бы на это внимания, если бы... не узнал в той самой женщине Юлию Петровну. Ту свою тренершу, к которой ушел отец. Пашка прошел еще несколько сот метров, глядя прямо перед собой. Проспект, центральная улица их городка, постепенно сузился. Скоро начнутся заводы, промзона. Пашка все шел. Шел, не зная, радоваться ему, или нет. Откуда-то поднималось чувство обиды за отца, к нему примешивалось злорадство. «Так и бывает с предателями», - решил Пашка. Но как же быстро, как быстро она его променяла! И какого-то богатея нашла, в ювелирный с ним ходит! Мысли неслись в голове у Пашки с бешеной скоростью. Но то, что тот мужчина, скажем, дядя Юлии Петровны, даже на ум не приходило Пашке.

Погруженный в себя, Пашка даже не заметил, что уже давно вслед за ним плетется какой-то пес. Чуть отставая, он преследовал Пашку, опустив голову и нюхая Пашкины следы. Тем временем на глаза у Пашки наворачивались слезы. «Надо же, отец из-за нее семью бросил, полгода не прошло, а она уже с другим крутит!» - злился он. Правильно Гоблин говорил, эти бабы только кошельки и любят. Пашку потянуло закурить, он достал пачку, которая все еще валялась в кармане. Пашка завернул в ближайшую арку. Достав зажигалку, он заметил, наконец, пса. Серого неопределенного цвета, с подпалинами, молодая дворняга выжидающе смотрела на него.

- Что, серый, есть охота? – спросил Пашка.

Собака повела ухом.

- А мне вот курить хочется, - Пашка засунул руку в карман, за сигаретой.

Пес вдруг двинулся вперед и поставил Пашке лапы прямо на плечи.

- Ты что, мать ведь убьет за куртку! – возмутился Пашка.

А пес, не мигая, смотрел на Пашку, словно собирался что-то сказать.

- Эх ты, Серый, - потрепал его за холку Пашка. Курить ему уже не хотелось, тем более, что он вспомнил Максима Ивановича. Нельзя ему теперь, если в спорт хочет вернуться.

...К приходу матери Пашка с Серым приготовились: вымыли лапы в ванной, у входа в прихожей Пашка постелил для Серого старый коврик.

Мама, конечно, Серому не обрадовалась.

- И где ты его подобрал, Паша? Блохи у него, наверное... А кто гулять с ним будет? Тебя ведь и мусор не заставишь вынести!

Но Пашка стоял на своем. И мать, поколебавшись немного и выбив у Пашки твердое обещание все хлопоты о собаке взять на себя, разрешила Серого оставить. Так, в один день, так сказать, Пашка разочаровался в женщинах и обрел нового друга. Ведь собака – друг человека, это Пашка помнил с детства.

Гоблин, как мог, сочувствовал Пашке:

- Ты матери-то расскажи про эту ...

Может, отец к вам тогда вернется.

Но Пашка на этот счет сомневался. Гордым он был в родителей. Матери такие жертвы не нужны, а отец вряд ли явится «с повинной»...

Серый Гоблину понравился, и по вечерам они выгуливали его вместе. Гоблин строил из себя знатока дрессировки и гонял Серого по «полосе препятствий».

Приближались каникулы. Пашкина мама договорилась в школе, и его переход в спортивный лицей после Нового года был делом решенным. Хотя мать была против того, чтобы Пашка переезжал.

- Не так уж и далеко это, домой будешь ездить. Да и Серого как оставишь? - мать старалась привести аргументы, интересные для Пашки.

Серый так и остался жить у Пашки. Под Новый год, когда уже начались каникулы и выпал настоящий снег, а Пашка с Гоблином катались с горы в соседнем дворе, он резво тащил под гору Пашкины санки.

- Ты, прямо, как маленький, Паша, - говорила мать, - целыми днями тебя с улицы не дозовешься!

31-е декабря в этом году пришлось на субботу, а в четверг Гоблин потащил Пашку на елочный базар.

- Да по мне, эта елка никому сто лет не нужна, - прохаживаясь с Пашкой и Серым между мохнатых красавиц, оправдывался Толька. – Только Леська заладила, елку ей подавай.

Леська, младшая сестра Тольки Гоблина, уже украсила флажками и гирляндами всю их квартиру. Но елка ей требовалась обязательно, какой, мол, Новый год без елки. Вот и выбирали теперь друзья лесную красавицу попушистей.

...Пашка ушел от Гоблина, когда уже почти стемнело. Елку они наряжали втроем, основательно. Леське все нужно было сделать по высшему классу. Дома Пашка накормил Серого и уселся смотреть телек. На завтра, в пятницу, у матери был короткий день, и они договорились вместе с отцом ехать за компьютером. От предвкушения этой поездки Пашка плохо спал уже третьи сутки. Но сейчас, очутившись в одиночестве в пустом доме, Пашка загрустил. На кухне шумно работал языком Серый. Пашка достал со шкафа копилку. Уже давно, с того самого разговора у бассейна, Пашка экономил на завтраках. Завтракал, конечно, но компот не пил, да и любимую пиццу брал через день. Копил на новую шапочку. Высмотрел ее Пашка в спортивном отделе, в ЦУМе. Ярко-синяя, с фирменной надписью

сбоку, она стала еще одной Пашкиной мечтой. Почему-то он представлял себя на тренировках именно в этой шапке. Пашка выгреб из копилки деньги. Пятаки, десятки, - всего набралось почти двести рублей. Да, еще бабушка к празднику передала новый свитер – сама вязала, да еще «стольник» в придачу. Вполне хватало. Пашка оделся.

- Пошли, Серый!

Гоблин нехотя поплелся с Пашкой:

- Ты бы еще среди ночи решил, что тебе елка нужна! Только ведь были на базаре!

Они пришли, что называется, к шапочному разбору. Какой-то мужик сметал еловые и сосновые лапы в кучку.

- Поздновато вы, ребята. Разобрали все елки! Завтра приходите!

Эх, черт! – в сердцах вырвалось у Пашки. Так хотел он успеть нарядить ель к приходу матери, сюрприз ей на Новый год сделать, что теперь от разочарования чуть не плакал.

Мужик почему-то понял, что елка Пашке очень нужна.

- Вот что,- сказал он, - есть у меня одна. Для себя оставил, красавица! Ну, а я уж завтра присмотрю еще одну.

Домой Пашка неся счастливый, Гоблин только и успевал кряхтеть:

- Ну, куда ты летишь? Я не лошадь, с такой машиной бегать!

Действительно, ель они отхватили царскую, под два метра длиной, и такую тяжелую, что еле-еле несли. В ведро с водой она не уместилась из-за нижних веток, в результате ведро опрокинулось к великой радости Серого, который весело разделял предновогодние хлопоты, с лаем носясь вокруг ребят. Пришлось просить подставку у соседки, тети Светы. Она в этом году елку не ставила, решила обойтись искусственной.

Мама Пашки открыла дверь уже за полночь, устало поставила сумку на пол, разделась. Пашка спал у себя. Серый, приветливо махая хвостом, зачем-то то забегал в зал, то выбегал из него, словно зовя мать за собой. Повесив пальто, мать прошла в зал и включила свет...

Посередине комнаты возвышалась украшенная игрушками, дождем и мишурой красавица-елка. Долго потом сидела мама у Пашкиной постели, а глаза у нее были «на мокром месте».

На следующий, предновогодний день, Пашка вскочил чуть свет. Матери уже, конечно, не было. На холодильнике висела записка:

«Чудесная елка! Приду в три, будьте с отцом готовы».

До обеда Пашка просто измаялся, не знал, чем себя занять. Радостное предвкушение так его истомило, что ни старания Серого, ни визит Гоблина не помогли. Но вот, наконец, пришел отец и, почти сразу за ним, - мама.

- Я смотрю, вы елку нарядили! – сказал отец, когда она вошла.

- Да это Паша сам: и купил, и нарядил, - с гордостью сказала мать.

Пашка смутился:

- Просто, у всех елки...

Затем они все вместе сели в машину и отправились в компьютерный магазин. И Пашка, наконец, стал обладателем новенького, современного компьютера. Даже школьные «компы», которые установили совсем недавно у них в компьютерном классе, были хуже. Принтер и сканер отец, правда, обещал купить со следующей зарплаты, но, несмотря на это, радости Пашки не было предела.

Весь субботний день, пока мать сутилась на кухне, Пашка не вылезал из-за компьютерного стола. Мама даже пожурела его: мол, кто будет гулять с Серым. Пришлось идти выгуливать пса. На улице Пашка встретил Гоблина. Тот очень заинтересовался Пашкиным подарком. Договорились встретиться после праздников, и Гоблин даже пообещал установить Пашке пару игр.

Ну, а вечером, когда ко встрече Нового года все было готово, мама накрыла на стол, они с Пашкой переоделись и стали ждать. Ждали тетю Свету, та решила встречать праздник с ними: не одной же куковать. И вот, наконец, раздался звонок. Пашка пошел открывать.

... На пороге стоял отец:

- Привет, Паш! Вот, зашел поздравить вас... - отец мялся у двери. В руках у него была коробка «Грильяжа», маминых любимых конфет.

- Заходи. – Пашка отстранился, пропуская отца. Даже из-за компьютера он прощать ничего не собирался. То, что отец, видать, получил отворот поворот у Юлии, а теперь решил вернуться, Пашку совсем не радовало.

Мама, было видно сразу, разволновалась, но виду старалась не подавать, отца к столу пригласила. Они сели, выпили.

- Ну, с Новым годом! – сказал отец.

- С Новым годом! Пусть он принесет нам успехов, особенно тебе, Паша, в учебе, спорте...

- Спасибо, мам. И Вас с Новым годом! – Пашка постарался завершить протокольную речь не слишком угрюмо.

- А что, пес так и прижился у вас? – отец взглянул на Серого. Тот мгновенно оживился, забив по полу хвостом.

- Да, он классный! – сказал Пашка.

- Блох от него было, еле отмыли, - вступила в разговор мать.

- А давай, сын, после праздников к ветеринару его свозим, - предложил отец, - может, прививку ему какую надо. Нравится компьютер-то?

- Да, спасибо.

- Ну и хорошо. Вы завтра приходите к моим-то. Мать пирогов напекла - на неделю... - пригласил отец, имея в виду Пашкиных бабушку и дедушку.

- А ты там будешь? Как-то неловко мне идти, - засомневалась мама Пашки.

- Да я, - замаялся отец, - я теперь у них живу. Кончили мы с Юлией.

Щеки у матери покрылись ярким румянцем.

- Как же... - начала она и осеклась.

В дверь позвонили. Пашка ринулся открывать

- А вот и я, - тетя Света, источая аромат каких-то новых духов и переливаясь от навешенного на блузку дождика, двинулась в зал. Увидев отца, она опешила:

- Я не вовремя... Добрый вечер!

- Да Вы присаживайтесь, Светлана Петровна. С Новым годом! А мне пора уже. Ну, - отец посмотрел на мать с Пашкой, - поздравляю! – и направился в сторону прихожей. Мать пошла проводить.

- Как, всегда, все пропустила, - вздохнула, усаживаясь в кресле, тетя Света. Позже, развеселившись от шампанского, она без устали выплясывала по залу. А когда пробили куранты и все прониклись радостным, торжественным настроением, даже вытащила Пашку с мамой на улицу.

Валил снег. Гоблин и ребята постарше поджигали петарды и прятались в подъезд, а после гоготали от взрывов. Наконец, вышел Толькин отец и разогнал ребятню, прикрикнув:

- Пальцы у вас лишние, что ли? Скольких уже эта пиротехника покалечила!

Гоблин остался с Пашкой играть в снежки, а Серый счастливо прыгал в погоне за снежными хлопьями.

Мать с тетей Светой присели на лавку, и вскоре двор оглашал пьяноватый тетин Светин голос:

«На-деж-да – мой компас земной...»

Пашке было весело. Еще месяц назад он даже не надеялся, что будет так встречать Новый год. Радостно и со спокойной душой.

-Да уж, не надейся – не живи! – глубокомысленно изрек Гоблин, имея в виду завывания тети Светы.

Пашка, думая о своем, был с ним полностью согласен.

Охота жить, когда есть, на что надеяться...